

Тамара Страхова

г. Ленинск-Кузнецкий

Что-то главное не свершилось
Среди мелких потерь и забот...
Дозревает на самой вершине
Обжигающе красный плод.

Читая Блока

И свечи догорали... рос рассвет,
Вещам и лицам придавая формы.
И радость застревала в горле комом,
Взращенная на пепле прошлых бед.
Проснулся город. Назревала быль.
И чья-то боль, как горькое лекарство,
Сочилась внутрь. И думалось о счастье,
Распятом по велению судьбы.
И чей-то голос, невесомо тих,
Пророчески насмешлив и печален,
Звучал вокруг. И свечи догорали
В чужих стихах. И не было своих...

Когда стволы бледнеющей осины
Последний слышат голос журавлиный,
Когда теряют тень свою кусты,
Восходит полночь сумрачней и строже.
И ты, ее дыханьем настожен,
Постичь пытаешь тленность красоты,
Стоишь, застигнутый врасплох надеждой
На зелень лета, повторимость слов,
И мысли складываешь, как колосья в сноп,
И облакаешь в яркие одежды.
Но хмурый дождь в судьбе твоей—фрагмент,
...А осень, постигая долю вдовью,
Пронзает мир последнею любовью
И ничего не требует взамен.

Яблонька

Эта яблонька по соседству
С шумным детством моим росла,
Не в саду, а поближе к лесу
Ствол тяжелый свой пронесла.

Как попала туда, не мыслю,
Только выпало ей за труды:
Ветки нижние — сплошь из листьев,
А на верхних ветках — плоды.

И такие на них оттенки,
Что любому закату под стать.
Мы царапали в кровь колени,
Чтобы яблоки те достать.

Сколько листьев с тех пор облетело...
Я под яблонькой снова стою,
Но не трогают ветки тела —
Упираются в душу мою.

Много пройдено троп скалистых,
Только выпало мне за труды:
Ветки нижние — сплошь из листьев,
А на верхних ветках — плоды.

А на улице — народ
 без бород.
С бородами-то он тоже —
 народ.
А на улице дожди
 до небес,
Словно город
 в речку теплую влез.
И такая в ней густая
 вода,
Что увязнут облака,
 провода.
Им не выбраться долго
 потом,
Даже если прорвется
 поток.
Протекает тротуаром
 народ.
Поворот и опять
 поворот.
И зонты как цветные
 грибы,
Иногда под одним —
 две судьбы.
И, быть может, не напрасно
 ты ждешь.
Приходи, когда кончится
 дождь.
Ах, куда? Ну да, конечно же,
 в сквер!
Ах, когда? Ну да, конечно,
 в четверг!
За городом шумит весна,
Безудержна и первозданна,
Зерном в расщелину тумана
Звезда колючая выросла.

На встречу опоздаю вдруг,
Сбегу из шумного вагона
И, окунаясь в бред зеленый,
Впущу сосну в пространство рук.

Спешат часы... Их острый стук
Минуты и привычки срежет.
Как жаль: становятся все реже
Вот эти опоздания вдруг.

В безднах блуждая холодными точками,
Звезды мельчают от одиночества.
Люди дичают от одиночества
В тесных домишках, тоской заколоченных.

Не посягая на ценности мнимые,
Как научиться делить неделимое?
Не отсекая от черного белое,
Как воплотиться в единое целое?

В тесных домишках, тоской заколоченных,
Люди мельчают от одиночества.
Звезды дичают от одиночества,
В безднах блуждая холодными точками...

Да уж, видно, неспроста
Дули ветры.
Дождь от нас произрастал
В километре.
В темный маленький клубок
Был закручен,
Но разросся и намок —
Стала туча.
Сшила молнии игла
Землю с небом,
Чтобы радуга взошла
Ярким стеблем.
Отстучал, и небо враз
Стало чистым.
Может, он к тебе сейчас
В дверь стучится?

Пройдёт...

Облаками, как рифами,
Полнится небосвод.
Снова бредится рифмами.
«Пройдет, — говоришь, — пройдет?»
Ах, если б дожить до лучшего,
Когда ни бед, ни забот!
Я болью твоей измучена.
«Пройдет, — говоришь, — пройдет!»
Коснусь я руки твоей и лица —
За годом рванется год.
Как жизнь наша быстро движется!
«Пройдет, — говоришь, — пройдет...»